

Звезда оперы Екатерина Губанова — в интервью «Газете»

«Мне хотелось быть певицей вообще, а не русской певицей»

Москвичка **Екатерина Губанова** блистала на Зальцбургском фестивале уже во второй раз. Среди недавних ее достижений — участие в парижской постановке «Тристана и Изольды» Вагнера под управлением Валерия Гергиева и ряд других престижных ангажементов. О том, как попадают в Зальцбург наши артисты, с Екатериной Губановой побеседовал корреспондент «Газеты» **Илья Овчинников**.

Екатерина, можно ли вас услышать в России?

Мы делали с Валерием Гергиевым несколько вещей в Петербурге. А в Москве в октябре я спою одно из своих любимых произведений — «Песнь о Земле» Малера с Теодором Курентзисом, с которым никогда не встречалась, хотя много о нем слышала. Я просто обожаю это сочинение и очень рада, что дебютирую в столице именно с ним. Ведь если бы я пела что-нибудь русское, наша критичная публика, наверное, меня бы на кусочки разорвала.

Над чем вы работали вместе с Гергиевым?

После того как мы делали в Париже «Тристана и Изольду», он пригласил меня в Мариинский театр петь и в «Евгении Онегине», и в «Пиковой даме», и в гала-концерте. Недавно ездила отсюда в Баден-Баден, там мы сделали «Тристана» в концертном исполнении. В Лос-Анджелесе покажем «Золото Рейна».

Сейчас в мире все больше певцов из России, практически неизвестных на родине. Почему так происходит?

Что касается меня, то я не сразу решила стать певицей: заканчивала Мерзляковское училище как дирижер-хоровик. И переступить через себя, начав заниматься вокалом, было нелегко. Это был большой, серьезный шаг.

Консерваторию вы закончили уже как вокалист?

(Смеется.) А я ее не закончила — проучилась там два года и поняла, насколько Россия отделена от мира. Наше обучение

ориентировалось на отечественную вокальную школу и на итальянских певцов старой формации — мы были в стороне от того, что происходило в мире с оперой. А мне хотелось быть певицей вообще, а не русской певицей. Я поехала в Финляндию. Там далеко не высший класс вокальной школы, зато потрясающая библиотека: любые CD, DVD, клавиры — пожалуйста, можно брать на дом. В отличие от Московской консерватории, где вам дадут клавиры под множество расписок от преподавателей, и к тому же еще шестьдесят страниц окажутся потерянными. Полное отсутствие того, что называют facilities. Трудно учиться, даже если хочешь.

А в Финляндии все было, и я с утра до ночи смотрела записи, листала ноты, учила партии. У меня был замечательный педагог. В 19 лет я участвовала в конкурсе в Театр Станиславского, и после первого тура ведущий оперной труппы говорит мне: «Мы вас берем». Я объясняю, что у меня в активе только три арии, но он отвечает, что второй тур для меня — это формальность, и уже роли предлагает. Если бы тогда взяли — я бы в Финляндию не поехала. На втором туре все отлично, а на третьем люди, которые меня хвалили, проходят мимо, будто мы незнакомы. Я прихожу в кабинет к Александру Тителю, и он говорит мне в лицо: «Вы толстая и страшная, почему вы не участвуете в конкурсе в Большой, там таких любят». Да, я была покрупнее, чем сейчас, но мне и теперь об этом тяжело вспоминать, а тогда казалось просто катастрофой. И сразу расхотелось оставаться в России.

В фестивале этого года участвовали три русские певицы — Анна Нетребко, Екатерина Сюрица и вы. Это много или мало? Насколько сложно сюда пробиться?

В этом году здесь сплошной Моцарт, а русские певцы никогда не умели его петь, да и не слишком обращали на него внимание. Поэтому нас мало. Пуччини — другое дело: в России считается, что если сопрано не может петь Тоску, значит, у нее вообще нет голоса... Из-за русской певческой школы

очень сильно страдает язык. Разговаривать чисто — это одно, а петь без акцента — совершенно другое, и Зальцбург за этим пристально следит. Катя Сюрица — уже из нового поколения, я ее слышала в «Ковент-Гардене», прекрасная певица.

Как вы в целом оцениваете Зальцбургский фестиваль?

Обожаю! Зальцбург собирает одновременно всех моих друзей со всего мира. Это само по себе неповторимо. Здесь ты встретишь на улице друга

из Лондона или Парижа. Организация фестиваля очень дружелюбная, а это важно, когда работа занимает у тебя одиннадцать с половиной месяцев в году. Сейчас, допев «Флейту», я возвращаюсь в Москву и сразу лечу в Гонконг, где спою «Мадам Баттерфляй» с Эдо де Ваартом. Потом без перерыва в Брюссель — петь «Ромео и Джульетту» Берлиоза. Несколько дней в Москве, затем репетирую в Мариинке «Золото Рейна», которое мы везем в Калифорнию. После этого мы даем в Парме «Реквием» Верди с маэстро Мути во второй раз — первый был в Токио. И Мути пригласил меня вновь, что приятно.

Интересует ли вас современный репертуар?

Теоретически — вполне, но пока я только в Мариинке могу выбирать то, что хотела бы спеть. В других местах соглашаюсь на то, что предлагают. В Америке сейчас охотно ставят новые оперы, это было бы интересно. Ведь ты можешь работать над партией вместе с самим композитором. Но от коллег, которые участвуют в современных операх, я слышу сплошные жалобы: композиторы теперь все чаще пишут для голоса, не умея этого делать. Хотя если говорить о нашем недавнем прошлом, то петь Свиридова я очень люблю. Недавно мне предложили исполнить «Семь стихотворений Блока» Шостаковича, но, увы, для меня это высококато.

Зальцбург — это ступень в карьере или место, где вам хорошо?

Пятьдесят на пятьдесят. Для карьеры это просто прекрасно, для души тоже. Я снимаю квартиру недалеко от центра, с балконом и садом, ко мне мама приезжает из Москвы. После вечернего представления мне доехать домой на велосипеде — десять минут. И я очень жалею о том, что мои планы на лето 2008 года не связаны с Зальцбургом.